

DOI 10.18522/2415-8852-2023-1-7-18

**«ДРАМАТУРГ ЗНАЕТ: ЧЕМ БОЛЬШЕ ПОСТАНОВОК,
ТЕМ БОЛЬШЕ ПЛОХИХ ПОСТАНОВОК»**

Дмитрий Данилов – писатель, драматург, поэт. Автор романов «Горизонтальное положение» (2010), «Описание города» (2012), «Есть вещи поважнее футбола» (2015), «Саша, привет!» (2022), пьес «Человек из Подольска» (2016), «Сережа очень тупой» (2017), «Свидетельские показания» (2018), «Что вы делали вчера вечером?» (2019) и др. Лауреат Премии Андрея Белого (2019), премии «Ясная Поляна» (2022).

В этом номере Р&I писатель Дмитрий Данилов рассказывает о Мамлееве и Достоевском, новостях театрального Воронежа и сетевом маркетинге, ошибках в «Википедии» и газете для работников аэропорта Домодедово. Беседовала Екатерина Максимова. Фото Олега Сердечникова.

Дмитрий, спрашиваю вас как исследователя повседневности и ценителя абсурда: можете поделиться своим самым неожиданным литературным впечатлением последнего времени? Здесь все интересно: от дурацкой строчки из песни до книги нового автора, который сумел вас задеть.

Сначала расскажу о новом авторе – для меня это норвежский драматург Юн Фоссе. Он вообще не новый, он живой классик, его ставят по всему миру, и пьесы его переведены на русский, но у меня только недавно дошли до него руки. Фоссе автор плодовитый, у него много текстов, но я назову две его пьесы – «Кто-то вот-вот придет» и «Имя». Сюжета как такового там нет, там и люди не люди, а какие-то тени – они не действуют, а существуют. Никто ни с кем не может и не хочет взаимодействовать. Но все это вместе производит какое-то сильнейшее эмоциональное впечатление. Непонятно, за счет чего нагнетается страшное напряжение. А напряжение там такое, что хочется рвать на себе волосы. И это «непонятно» – верный признак хорошего текста. Мне кажется, в настоящем тексте должно быть что-то, что нельзя объяснить до конца, сформулировать совершенно точно.

А теперь про исследование повседневности. Да, это мой вопрос. Я люблю из реаль-

ности, из жизненного потока выхватывать отдельные слова и вещи. Не перестаю восхищаться великой традицией названия магазинов «Мир/вселенная/планета чего-нибудь неожиданного». Знаете, «Планета шашлыка», «Вселенная ногтей». Недавно увидел «Мир крепежа» – увидел и пропал, меня захватило это словосочетание, потому что я же сразу хочу это визуализировать, представить в подробностях, как могла бы выглядеть эта прекрасная вселенная. Так, стоп, я опять начинаю об этом думать – какой ты, мир крепежа?

А «будем у вас в течение часа» – великое озарение, на котором держится главный гэг пьесы «Сереза очень тупой», – из вашей головы или из вашей жизни, кусок реальности?

Целиком из жизни. Мне позвонил курьер: – Данилов Дмитрий Алексеевич? – Да, я. – Вам посылочка. Адрес такой? – Такой. – Нормально, если я у вас буду в течение часа? – Нормально. Разговор закончился, и я завис: «буду в течение часа» – это же отлично. И начал фантазировать: проникает в дом курьер, а лучше целая бригада, так эффектнее, заходят и вместе садятся на диванчик. Хозяин: А чего вы сели? Курьеры отвечают: Как чего? Мы же сказали, что будем в течение часа, вы согласились –

вот, побудем у вас ровно час, посидим и уйдем. А дальше осталось придумать Сережу, Службу Доставки и все остальное.

Дмитрий, вы сумели отследить, как литература прокралась в вашу жизнь? Не знаю, в детстве у вас была главная книжка?

Большая советская энциклопедия. Нет, правда. В детстве я не особенно любил художественную литературу, предпочитал то, что в советском обиходе называлось словом «познавательное». Я мог часами читать энциклопедию. А еще моя мама работала в издательстве и время от времени приносила интересные книжки. Была, я помню, замечательная книжка про историю олимпиад, еще про историю автомобилестроения. Но я, пожалуй, назову одну художественную книжку – это «Что я видел» Бориса Житкова. Мне кажется, все советские дети ее читали, а я к тому же ощущаю на себе ее определенное влияние. Мне близок сам этот принцип, который в ее названии зафиксирован – «что я видел». Это же метод создания литературного текста.

А когда вы поняли, что, все, вы обратились в литературу? Что книги – это то, чем можно и нужно заниматься каждый день, что в словах есть какая-то сила?

Это уже в ранней молодости, рубеж 80–90-х, конец перестройки, дело идет к развалу Советского Союза. Я прочитал Мамлеева. Он сильно на меня повлиял, но не в смысле «Мамлеев – мой учитель», нет, может, он даже больше чем учитель – он вдохновил меня, обратил меня в литературу. Мамлеев – это была именно что сила, сбивающая с ног. Я сейчас говорю о его ранних рассказах, еще 60-х годов: «Жених», «Урок», «Не те отношения». Ну, и самый известный его роман «Шатуны» – если один раз этот текст прочитал, уже не забудешь.

Изнанка мира, хтонь мамлеевская с ног сбила или чем-то другим он вас поразил?

Да, изнанка мира. Но этого мало, ведь по большому счету заглядывание в бездну любому писателю показано. Мамлеев же заглядывал в какие-то совсем уж темные ее коридоры, в самые далекие заброшенные отсеки. И еще мамлеевская деталь, способная оглушить. Он этим похож на Достоевского. Помните, Свидригайлов в «Преступлении и наказании» как рассуждает о вечности? Вечность-вечность, а вдруг эта ваша вечность, о которой столько говорят – это такая банька деревенская, а по углам пауки. Банька? Пауки? Когда ты это читаешь, все в тебе переворачивается. А ведь это всего лишь деталь, она в сюжете фактически ника-

кой роли не играет. У Мамлеева есть рассказ под названием «Сереженька». Сюжет очень простой: мать и ее больной сын-подросток. Сын умирает, и чтобы его спасти, надо срочно, в течение тридцати минут, сделать ему укол. Срочно нужна машина, чтобы попасть в больницу, а это дачи. Весь рассказ мать мечется по этому дачному поселку в поисках машины. Проходит время, она понимает, что сын уже умер, и идет обратно – к мертвому сыну. И вот здесь начинается Мамлеев: она вдруг подумала – мысль такая мелькнула – что теперь ей «сполна будет хватать ее пенсии». Одна фраза, и этот рассказ уходит в какое-то космическое измерение.

Есть книжка или современный автор, евангелистом которого вы готовы быть? Прямо на каждом углу рассказывать: откройте глаза, посмотрите, с кем мы в одно время живем, пойдите и прочитайте.

Наконец нашлись слова, чтобы назвать то, чем я занимаюсь. Я именно что евангелист и на всех перекрестках готов с энтузиазмом говорить об этом авторе. Это Анатолий Гаврилов. Автор малой прозы, у него нет ни одного большого текста. Он живет во Владимире. Сейчас на пенсии, а большую часть жизни он проработал на почте, разносил телеграммы. Он скромный человек, себя никогда не пиарит и за преде-

лами узкой литературной тусовки его мало знают. Зато я хочу, чтобы его имя звучало больше и чаще, и советую всем, кто имеет вкус к сложно устроенной прозе, прочитать его «Берлинскую флейту». Потрясающий текст, ни на что не похожий, и это не головоломная литература, там не надо все интеллектуальные мощности подключать, надо просто почувствовать это прямое восприятие действительности. «Берлинская флейта» – это, как мне кажется, слепок, оттиск человеческого несчастья. Мало у кого этот оттиск получается таким четким. Но я хочу вспомнить еще одного автора, совсем недавно он нас покинул, к сожалению. Это Андрей Левкин. Вот уж чьи изощренные тексты не имеют аналогов и не поддаются жанровым определениям, и читать его непросто, но, поверьте, это стоит усилий. Начните с книги «Вена, операционная система».

Пару лет назад я была на вашем семинаре «Как стать успешным драматургом», и вы тогда иронизировали бесконечно над названием встречи. Судьба вас за это наказала: ко всем вашим наградам и «признаниям» в 2022 году добавилась «Ясная Поляна». Так что я сейчас спрашиваю у успешного писателя – нет, не о том, как там почивается на лаврах, а про боль и слезы этой

работы. На этом пути какую самую странную писательскую работу вам приходилось делать?

Если рассматривать писательскую работу широко, как письмо, то у меня полно странного опыта. Я очень долго работал корпоративным журналистом, но журналистом, конечно, я не могу себя назвать. Одно время «Википедия» писала, что я писатель и журналист, и я намеренно со словом «журналист» боролся. Я работал для разных компаний. Между прочим, перед вами бывший официальный блогер компании Kia Motors. Да, и такое было, и, кстати, мне было интересно. А еще я работал редактором газеты для персонала аэропорта Домодедово. Редактор – это такое название, на самом деле я писал эту газету сам от первой до последней буквы. Это не все, совсем уж давно я был редактором журнала про сетевой маркетинг, вот где «вселенная успешного успеха». Короче, настоящий мрак.

Тогда про успех тоже придется спросить, оказывается, это во всех смыслах ваша тема. Дмитрий, расскажите, как успех настигает русского писателя. Что происходит? Русский писатель стремительно переезжает в модный район? Переходит на более качественные крепкие напитки?

Нет, в другой район я не переехал. Хотя было бы неплохо. Видимо, успех еще не настолько головокружительный. Более качественные крепкие напитки? Вот это в точку, качество улучшилось, хотя на этой стороне жизни я никогда не экономил. А если серьезно, жизнь, правда, меняется – главное, у меня исчезла потребность заниматься вещами из предыдущего вопроса. То есть писать то, что тебе не нравится. Сейчас я занимаюсь исключительно тем, что мне интересно, – тексты, преподавание, путешествия по стране и новые встречи, что я очень люблю.

Какая из ваших книг наиболее успешна с коммерческой точки зрения?

Если говорить о книжке, то это «Саша, привет!», а если о тексте, то, конечно, «Человек из Подольска», потому что много ставят. Я даже считал одно время, сейчас забросил, но что-то около 50 постановок у «Человека из Подольска».

Что чувствует человек, когда его тексты ставят по всем городам и весям? Страшно, что сейчас твоего ребенка очередная семья адаптирует-адаптирует, начнет «улучшать»? Простите, может, здесь неуместны мои впечатления, но, если пересмотреть все постановки, которыми распола-

гает сеть, и фильм «Человек из Подольска» 2020 не забудем, ощущение такое, что текст на бумаге претендовал на что-то большее. В этом смысле читки в Театр.doc, где Угаров читает «Сережу» – пожалуй, лучшая адаптация. В общем, что чувствует автор? И какие из многочисленных постановок ему симпатичны?

Давно я уже смирился с тем, что ребенок вырос и у него своя жизнь. Понятно, что он будет делать то, что тебе не понравится, то, что ты сам никогда бы не сделал. Сначала страшно, а потом ты понимаешь золотое правило драматурга: чем больше постановок, тем больше плохих постановок. Я к этому совершенно готов. Конечно, есть удачные и любимые. Читки, о которых вы говорите, – это «Любимовка» 2017 года. Да, правда, это лучшее, что с моими текстами случилось в театральном мире. У меня есть это видео, мне кажется, я раз тридцать уже его смотрел. Взгрустнется – я включаю. Михаил Юрьевич Угаров был великим: то, что он там сделал, по-моему, гениально. Какие там актерские работы, при том, что они просто сидят на стульях и читают по ролям текст. Кстати, перед этим они один раз всего прорепетировали – прочитали этот текст. Да-да, это лучшее театральное воплощение текста.

Тот же Театр.doc впервые поставил «Человека из Подольска», и для меня это глав-

ная постановка, и вряд ли это когда-нибудь изменится. Угарова вообще не могу и не хочу ни с кем сравнивать. Но еще я люблю то, что делает Михаил Бычков: «Человек из Подольска» в театре «Приют комедианта» в Санкт-Петербурге – это пример совпадения видения драматурга и режиссера. Замечательный спектакль Марины Брусникиной в театре «Практика», это спектакль сразу по двум пьесам – «Человек из Подольска» и «Сережа очень тупой». Там интересное решение, которое придумал еще Дмитрий Брусникин. Задействованы сразу два зала, на входе зрителям раздают браслетики двух цветов. Выбор случайный, в зависимости от цвета, зритель идет в один из залов. В одном зале «Человек из Подольска», в другом – «Сережа». В антракте зрители «меняются залами», а актеры второй раз играют спектакль. По таймингу все сделано точно: начинаются и заканчиваются спектакли минута в минуту. Интересный опыт. И играют замечательные артисты, молодые брусникинцы. Еще бы я выделил «Свидетельские показания» и «Что вы делали вчера вечером?» в постановке питерского режиссера Семена Александровского. И еще в Москве в «Мастерской Фоменко» мне очень нравится «Сережа очень тупой» в постановке Алексея Кузмина-Тарасова.

Какая женщина-полицейский вам нравится больше других («Человек

из Подольска»)? И где лучшие курьеры («Сереза очень тупой»)?

Лучшая женщина-полицейский – в «Приюте комедианта» – прекрасная Марина Солопченко. Курьеры – в «Мастерской Фоменко» – совершенно инфернальные и при этом тонко сделанные сущности.

Давайте воспользуемся вашим опытом путешественника и любителя регионов. Столичные премьеры у всех на виду, а есть в провинциальной России театр или постановка, куда нужно прямо сейчас отправиться за уникальным зрительским опытом?

Я совсем не театральный эксперт, поэтому буду говорить исключительно о своих впечатлениях. Я за театральный Воронеж: Воронежский камерный театр и Никитинский театр – это частный театр, хорошо известный знатокам и отмеченный многочисленными премиями. Поезжайте на «Дядю Ваню» в Воронежский камерный. Спектакль поставил Михаил Бычков, в главной роли Камиль Тукаев. Спектакль очень чутко следует чеховскому тексту, при этом в него интегрирована советская эстетика, звучат советские шлягеры. Впечатление сюрреалистическое, при этом совершенно органичное. Не знаю, я смотрел затаив дыхание.

На взгляд профессионального драматурга, что есть такого в пьесах Чехова, что делает его театральной иконой?

Мой любимый русский классик. Потому что он из всех классиков самый современный. Во-первых, у него вся экзистенциальная проблематика до экзистенциализма, да и шире – все самые важные вопросы XX века. Хотя он умер в 1904 году, получается, только три года из XX века прожил. А еще он каким-то образом достигает этого эффекта, что всех жалко, это ведь очень сложно сделать. Понятно, когда одного жалко за счет другого, этого жалко, а этот мерзавец. Нет, у него жалко всех.

Жалко людей, особенно всех.

Именно.

У вас какая его пьеса любимая?

Да, наверное, «Дядя Ваня» и есть. Хотя мы же понимаем, что и «Дядя Ваня», и «Чайка», и «Вишневый сад» – это один текст. Там есть удачники и неудачники, у кого-то все очень хорошо, у кого-то очень плохо. Но при этом все тотально несчастны.

Ну, и конечно, пустые разговоры, революционные для того времени. Но «пустые разговоры» и сейчас у сценаристов совсем не в мейнстриме, пойдите в школу сценарного

мастерства и послушайте о том, как диалоги должны двигать сюжет, потому что говорить надо динамично и по делу. Я скептически к этой мысли отношусь, потому что в реальности мы как раз живем по пьесам Чехова. «Динамично и по делу»? Если бы. Мы говорим постоянно ни о чем, в разные одежды одеваем очевидности, кружим вокруг да около, и, конечно, не слышим друг друга.

Наверное, вам с этой некоммуникабельностью часто приходится сталкиваться, когда речь идет о ваших текстах. Одни оскорбления чувств Сереж по всей стране чего стоят. Но, кажется, реакция на роман «Саша, привет!» укладывается в схему ожиданий: «литература опережает реальность», «антиутопия – наш жанр» и тому подобное. Или здесь тоже без неожиданных откликов не обошлось?

Не обошлось – это мягко выражаясь. Я долго удивлялся «недопониманиям» и странным трактовкам, пока один читатель не сделал вывод и великодушно им со мной не поделился на одной из встреч, что, судя по роману, я сторонник смертной казни. Что тут скажешь? Это меня окончательно добило.

Дмитрий, глядя сегодня изнутри индустрии, можете сказать, как вы

глядит запрос книжного рынка? Когда ваши слушатели спрашивают, «учитель, о чем писать, чтобы стать успешным драматургом / писателем / поэтом», что вы им отвечаете?

К счастью, «учителем» меня никто не называет, и я сам не настолько сошел с ума, чтобы себя таковым считать. Очевидно, что запрос на нон-фикшн, в частности автофикшн, на литературу опыта. Тематика – гендерная или политическая. Но я в жизни никому не скажу – пойдя получи бесценный жизненный опыт – политический или гендерный – и напиши об этом книжку. Пытаться угадать конъюнктуру – это не путь к успеху, это путь к провалу. Я не скучные мудрые советы сейчас раздаю, а просто хочу сказать, что фактор случайности, везения в литературе чуть ли не главный, он здесь так силен, что не стоит и говорить об этом. Иногда шум возникает из ничего буквально – очередной инфлюенсер что-то где-то похвалил. А иногда замечательная книга, напрашивающаяся на успех, заслуживающая его, попадает в «слепую зону».

Давайте пройдемся по популярным стереотипам о том, какой должна быть современная книга. Во-первых, короткой. Во-вторых, очень смешной или очень страшной (а лучше смешной и страшной одновременно). В-третьих, с хорошей обложкой

(потому что книжный блогер будет ее показывать, нужен безупречный дизайн).

Знающие люди говорят, что первый пункт уязвим. Современному человеку нужны протяженные истории, стягивающие в единое целое их фрагментарную, суетливую жизнь. Сериалы успешнее полного метра. По-прежнему все хотят купить роман, и никто не хочет книжку рассказов. Как мне кажется, это работает: едет человек в метро на работу, читает книгу, у него всего полчаса. Прочитал рассказ – и все, мир этого рассказа для него закончился. Теперь роман: вот прочитал главу, по эскалатору поднимаешься, книгу закрываешь и едешь с таким приятным чувством, что вечером опять в этот мир вернешься, с героями еще проживешь кусочек дня. А если это целые серии, Фандорин, скажем, который из книги в книгу кочует, ты с этим персонажем можешь всю жизнь прожить, детей родить и внуков дожидаться. Нет, люди любят истории и толстые книги тоже любят. Я сейчас это все говорю, но сам-то я как раз боюсь толстых книг. Когда вижу 800 страниц, сразу расстраиваюсь. Это понятно, если ты читаешь профессионально, ни с каким героем ты срастаться не собираешься. И писать большой роман сложнее и дольше. Пьесу можно за день написать, а можно вообще – как Николай Коляда: про него рассказывают, что некоторые свои пьесы он напи-

сал в самолете, пока летел из Екатеринбурга в Москву.

В третьем пункте я тоже сомневаюсь. Хороший дизайн я ценю, но из-за дизайна я книжку не куплю. Честно говоря, сегодня бумажная книга редкий гость в моем доме, я больше читаю электронные. По-моему, прекрасное изобретение: лежать на диване с легкой читалкой в руках куда приятнее, чем быть придавленным тяжелым томом.

Остался второй пункт – вот он неуязвим. Смешно и страшно одновременно – да, многие писатели к этому стремятся.

Для вас какая самая смешная книжка на русском языке?

В голову почему-то лезет Платонов, но это не то. Хотя у него много смешного, но там как раз смешное от страшного не отделить. Здесь нужно что-то, от чего лицо болело бы от смеха. Есть, это «Волшебная страна» Максима Белозора. Замечательный автор, кстати, из ростовских. Эту книжку я всю почти прочитал, пока ехал по серой ветке метро – ветка длинная, а книжка короткая. Всю дорогу я хохотал на весь вагон, не мог удержаться.

Кстати, второе пришествие этого текста было не так давно, когда другой ростовчанин Всеволод Лисовский поставил по нему спектакль-

прогулку по городу. Хорошо, а самая страшная книжка на русском?

«Рассказ о семи повешенных» Андреева, мне кажется одна из вершин русской литературы, леденящая кровь вещь. И это тот слу-

чай, когда страшно без смеха, там не до смеха, просто концентрированный человеческий ужас. Еще «Моя жизнь» Чехова – апофеоз безнадежности человеческой жизни, когда ничего не хочется, только биться головой о стену. В смысле, очень хороший рассказ.

Для цитирования: Данилов, Д., Максимова, Е.С. «Драматург знает: чем больше постановок, тем больше плохих постановок» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 1. С. 7–18. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-1-7-18

For citation: Danilov, D., Maksimova, E.S. (2022). “The playwright knows: the more productions, the more bad productions”. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (1), 7–18. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-1-7-18

Dmitry Danilov is a writer, playwright, and poet. Author of the novels “Horizontal position” (2010), “Description of the city” (2012), “There are more important things than football” (2015), “Sasha, hello!” (2022), plays “The Man from Podolsk” (2016), “Seryozha is very stupid” (2017), “Witness testimony” (2018), “What did you do last night?” (2019). Winner of the Andrei Bely Award (2019), the Yasnaya Polyana Award (2022).

In this issue of P&I the writer Dmitry Danilov talks about Mamleev and Dostoevsky, the news of theatrical Voronezh, network marketing, mistakes in Wikipedia, and the newspaper for Domodedovo Airport employees. Interview by Ekaterina Maksimova. Photo by Oleg Serdechnikov.

